DOI 10.25991/VRHGA.2020.20.4.015
УДК 1 (821.161.1 + 140.8)

О. М. Гончарова*

«УЧЕНИК МОНТЕСКЬЕ» — Н. М. КАРАМЗИН**

В статье рассматривается влияние философских концепций Монтескье на общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина, которые проявились особенно ярко в публицистике писателя и в его гражданской позиции эпохи государственных реформ начала XIX в. Карамзин — «ученик Монтескье» (Н. Г. Чернышевский) верил в идеи закона, порядка, разделения властей и отрицал проводимые преобразования, поскольку не видел в них системы и результата («Записка о древней и новой России»). Положительный опыт Карамзин нашел в истории России, в развитии русской государственности, в т. ч. в законодательной деятельности Екатерины II. Однако здравый и трезвый консерватизм Карамзина был отвергнут, а последующая русская мысль, увлеченная другими идеями, больше не интересовалась ни Монтескье, ни Карамзиным.

Ключевые слова: философия Монтескье, публицистика Карамзина, эпоха реформ начала XIX века, полемика о государстве, Монтескье в истории русской мысли.

O. M. Goncharova

«MONTESQUIEU'S STUDENT» — N. M. KARAMZIN

The article discusses the influence of the philosophical concepts of Montesquieu on the socio-political views of N. M. Karamzin, which were most clearly manifested in his journalism and civic position in the era of state reforms of the early XIX century. Karamzin was a «student of Montesquieu» (N. G. Chernyshevsky), who believed in the ideas of law, order, separation of powers, and denied the ongoing reforms, since he didn't see the system and the result in them ("Note on Ancient and New Russia"). Karamzin found positive experience in the history of Russia, in the development of Russian statehood, including in the legislative activity of Catherine II. However, the sensible and sober Karamzin's conservatism was rejected, and the

* Гончарова Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; olg28051956@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

subsequent Russian thought, carried away by other ideas, was no longer interested in either Montesquieu or Karamzin.
Keywords: Montesquieu's philosophy, journalism of Karamzin, era of reforms of the beginning of the XIX century, polemic about the state, Montesquieu and Karamzin in the history of Russian thought.

Идеи и концепции французских просветителей были не только хорошо известны в России уже в XVIII в., но и активно влияли на развитие русской мысли. «"Большую судьбу", — писала Ф. А. Коган-Бернштейн, — имел в России и Монтескье» [20, с. 100] который «пользовался абсолютным авторитетом в просвещенных кругах» [5, с. 322]. Внимание к Монтескье и особенно к его трактату «О духе законов» в русской культуре XVIII в. отметил еще А. Н. Веселовский в своей книге «Западное влияние в новой русской литературе» (1882). Действительно, идеями Монтескье, как показано в научно-исследовательской традиции, были увлечены и Екатерина II, внимательно читавшая Монтескье при составлении знаменитого «Наказа», и Н. И. Панин — автор конституционных проектов, предисловие к одному из которых — «О непременных государственных законах», было написано Д. И. Фонвизиным. Идеями Монтескье был определен и интересный проект канцлера А. А. Безбородко «О потребностях империи Российской» (1799), почитателем концепций французского философа был и М. М. Щербатов. Был популярен Монтескье и в среде русских литераторов: его поклонником и переводчиком был А. Д. Кантемир, разделял его идеи и А. П. Сумароков — не только писатель, но и яркий публицист своего времени. Г. А. Гуковский писал о нем:

> Он усвоил учение о государстве Монтескье <…>. Сумароков — также «монаршист»; он считает, что монарх должен быть подчинен законам чести, воплощенным в государственных законах, что он должен управлять во имя государства и силами дворянства и что дворянство должно своими правами гарантировать сохранность «свободы» и независимость законов. Он говорит: «Монархическое правление, я не говорю деспотическое, есть лучшее» («Некоторые статьи о добродетели») [3, с. 135].

Ф. А. Коган-Бернштейн обратила внимание и на то, как Сумароков оппонировал Екатерине II и ее «Наказу», ссылаясь на авторитет «несравненного Монтескиу» [20, с. 102].

Но рецепция интеллектуальных построений французского философа не стала в России простым знакомством с его идеями. Произведения Монтескье во многом определили интеллектуальные горизонты русской мысли — они были не раз опубликованы и хорошо знакомы русскому читателю эпохи, входили в непременный «круг чтения русской аристократии» [5, с. 322], увлеченной идеями и именами французского Просвещения. Так, например, в 1785 г. А. Н. Радищев в одном из писем А. Р. Воронцову упоминает о Российской империи, где «с удовольствием читают Локка, Даламберта, Монтескье, Реналя» [32, III, с. 312]. И сестра А. Р. Воронцова — Е. Р. Дашкова, вспоминала о чтении юной девушки той эпохи: «Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало» [8, с. 34]. По всей видимости, любовь к Монтескье, книга которого и в самом деле находилась в библиотеке Дашковой [6, с. 135],

инициировала ее интерес к проблемам монархической власти — в 1793 г., например, она напишет «Мнение некоего россианина о единоначалии» [7]. Увлечены в 1790-е гг. Монтескье А. Н. Радищев и Н. М. Карамзин. «Муж бессмертный Монтескье» появляется в «Песни исторической» А. Н. Радищева [32, I, с. 106], упоминается его имя в и других текстах писателя: «Дух законов» Монтескье Радищев цитирует в переводе «Размышлений о греческой истории» Мабли [32, II, с. 297, 298, 302].

Но, пожалуй, самым верным «учеником Монтескье» был Н. М. Карамзин. Так назовет его еще молодой Н. Г. Чернышевский, позднее не испытывавший симпатий ни к Монтескье, ни к Карамзину, после прочтения «Записки о древней и новой России». В октябре 1848 г. он написал о ее авторе в своем «Дневнике», отражающем активное увлечение философией:

> Весьма умный и образованный человек, весьма много хорошего и дельного, но есть много и устарелых негодных понятий, например, восстает против централизации, министров, хочет усиления власти губернаторов: хочет, чтоб известные места давались только дворянам <…>, говорит против Сперанского; во всяком случае, мне так кажется, — ученик Монтескье, только несколько отсталый от тех, которые через него хотели английской Verfassung (конституции. — *О. Г.*) [37, I, с. 146].

И с этим можно согласиться, поскольку имя Монтескье постоянно присутствует в текстах Карамзина и появляется уже в первом его литературном труде — «Московском журнале» [16, II, с. 39]. В 1795 г. в «Московских ведомостях» Карамзин, уже переживший и осмысливший французские события 1793 г., публикует небольшую заметку «Нечто о славном Монтескье», в которой философ предстает перед русским читателем, прежде всего, как автор «Персидских писем» и «Духа законов» — книги значимой по «важности и величеству <…> предмета» [16, II, с. 64–65]. Через год в опубликованных в альманахе «Аглая» новых главах «Писем русского путешественника» (1796) Монтескье — «автор бессмертной книги о законах», оценивается героем-путешественником как «бессмертный Монтескье» [15, с. 237, 252]. Важно учесть в этом случае, что творчество Монтескье «не было принято в России с однозначным энтузиазмом, вызвав и немало критических откликов», и одной «из причин того — выведенный на страницах его главных сочинений образ России как страны деспотизма и рабства» [5, с. 323]. Но к концу XVIII — началу XIX в., когда, по словам Н. М. Карамзина, после «ужасов пожара» Французской революции настало время «быть рассудительным» [12, № 12, с. 316], в России изменился интеллектуальный климат. Активные размышления о судьбе России, актуализация идей государства во многом изменили и отношение к идейному наследию Монтескье.

Принято считать, что «передовые деятели русского народа, начиная с Радищева и кончая великими революционными демократами, подняли на щит передовые, просветительские идее Монтескье, его смелую борьбу против абсолютизма, его критику церковно-схоластического мировоззрения» [4, с. 133]. Однако такое представление не соответствует реальной ситуации. Так, отношение Радищева к Монтескье к началу XIX в. становится иным. В заметке, условно называемой «О Монтескье и Руссо» (1801–1802), он писал:

> Монтескье и Руссо с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение властей, имея в виду древние республики, английские правления и Францию. Забыл о соседях своих. Другой, не взяв в помощь историю, вздумал, что доброе правление может быт в малой земле, а в больших должно быть насилие [32, III, с. 47].

Зато, как ни парадоксально, идеи Монтескье оказались востребованными в русском консервативном мышлении и активно обсуждались в этом кругу публицистов и общественных деятелей, а вот последующей русской радикальной или революционно-демократической мысли они были чужды и даже враждебны. Именно поэтому обращение к проблеме рецепции учения Монтескье в культуре XIX в. помогает распознать сущность узловых моментов русской ментальной истории.

В начале XIX в. возникают русский консерватизм и новые дискурсы государства и отечества, с необходимостью порожденные не только реформаторскими замыслами Александра I, но прежде всего — итоговым осмыслением «европейских неустройств». Устойчивые представления о нелюбви русских консерваторов к просветителям и Французской революции нуждаются в самых существенных уточнениях, поскольку определялись не самой по себе «революционной» проблематикой, а осмыслением вопросов государственной стабильности. Н. М. Карамзин, по-прежнему с уважением относящийся к французским философам, о чем свидетельствуют его многочисленные статьи в «Вестнике Европы» 1802–1803 гг. («Сравнение Дидерота с Лафатером», «Спор о Вольтере», «Бюффон и Руссо», «Письма Руссо» и др.), в революционных событиях, начавшихся в 1793 г. с казни короля, а потом перешедших в якобинский террор, видит «кровь», «пламень», «убийство» [16, т. 2, с. 180), «опасные и безрассудные якобинские правила» [12, № 1, с. 72], «ужасы пожара», а потому заключает: «мы гнушаемся ужасами Французской революции» [12, № 7, с. 251]. Да и сам журнал — литературный и политический — Карамзин, по его словам, решил издавать тогда, когда уже пришел конец «беспорядкам и кровопролитию» [12, № 1, с. 3]. К чему же приводит опыт осмысления французских событий Карамзина? К надеждам, как пишет он в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (1802):

> Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; что самое турецкое правление лучше анархии, которая бывает следствие государственных преступлений <…>. То есть Французская революция, грозившая ниспровергнуть все правительства, утвердила их. Если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут назваться благодетельными, то сим благодеянием мы, конечно, обязаны революции. Теперь гражданские начальства крепки не только воинскою силою, но и внутренним убеждением разума [12, № 12, с. 314–315, 316].

В этих рассуждениях Карамзина очевидны отзвуки философских концепций Монтескье. Его политические воззрения, отмечал Ю. М. Лотман,

и «сложились под влиянием идей Монтескье», которые помогли ему увидеть узловые проблемы времени [23, с. 198]. Ситуация, в которой формируется государственно-политическая концепция Карамзина, представляемая им в публицистическом дискурсе, была очень сложной. Эпоха Александра I, насыщенная драматическими событиями и переменами, порождала и атмосферу «разноголосицы» — столкновения мнений, предложений, проектов и, одновременно — интриг, возвышений и падений, ярким свидетельством которой была судьба М. М. Сперанского. Так, С. С. Уваров, озабоченный трудностями государственной работы «над зданием, подкопанным у основания», в 1813 г. писал в частном письме:

> Состояние умов теперь таково, что путаница мыслей не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, т. е. огня, который бы не жег; другие (а их всего больше) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье <…>, словом, это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо: религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франк-масон, фанатик и т. п. Словом, полное безумие [36, стлб. 130].

Эти проблемы волнуют и Карамзина, о чем он пишет, например, в заметке «Мысли об истинной свободе»:

> Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью <…>. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

О том же он прямо скажет и в письме Александру I: «Здесь Либералисты, там Сервилисты; истина и добро в середине: вот Ваше место, прекрасное, славное» [13, с. 194]. В этой атмосфере интеллектуальной «чересполосицы» Карамзин приходит к убеждению, «нужна только философская метода» [12, № 12, с. 326], т. е. твердые основания понимания «гражданского порядка» в государстве, которые и находит по преимуществу у Монтескье. Неслучайно в это же время и в размышлениях Радищева о «законоположении» появляется «бессмертное сочинение» Монтескье «о законах» [32, III, с. 147]. Ведущей идеей философских конструкций Монтескье было «создание образцовой политической организации, основанной на соблюдении правовых норм и принципе верховенства закона» [26, с. 26]. Об этом и мыслит Карамзин, создавая свои идеальные «проекты», в реализуемость которых верит:

> …не хотим уверять себя, что Россия находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счастливее, что оно может сделать еще много добра отечеству. Например (я не говорю о другом): каким великим делом украсится еще век Александров, когда исполнится монаршая воля его, когда будем иметь полное, методическое собрание гражданских законов, ясно и мудро написанных? Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству. Александр дарует нам систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собой [12, № 12, с. 324–325].

И, заключает Карамзин, «мы спешим к цели», ведь «россияне одарены от природы всем, что возводит народы на высочайшую степень гражданского величия» [12, № 12, с. 331]. В том же «Вестнике Европы» Карамзин согласует свое мнение с идеями Монтескье, рассуждая о республике и монархии в статье «Падение Швейцарии»: «…монархическое правление гораздо счастливее и надежнее: оно не требует от граждан чрезвычайности и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают» [12, № 20, с. 320].

В этом контексте возникает в России особая риторика государства и отечества, которая позднее будет казаться апологией монархии, самодержавия и официозного патриотизма, но она была ориентирована на философские построения, в т. ч. на идеи Монтескье. Это была действительно особая риторика, в которой использовались термины и понятия с их своеобразной, сформированной философскими штудиями XVIII в. семантикой. Такими понятиями были, например, «революция», «конституция», «просвещение» и т. д. Так, слово «революция», используемое и в работах Монтескье, воспринималось как обозначение «перемены» или «изменения», что отразилось, например, в русском переводе сочинения Монтескье «О духе законов» 1775 г. [29, с. 284]. Но к началу XIX в. «революция» стала пониматься «как ненормальное, чрезвычайно состояние общества» [35, с. 361]. Именно на этом «языке» говорил со своими современниками Карамзин.

Так, в 1802 г. появляется его программная статья «О любви к отечеству и народной гордости». Именно в ней Карамзин впервые попытался дать политический и моральный «портрет» России: государственный статус отечества он видит в его истории и в «народной гордости», в моральной любви к отечеству, а потому, пишет он, «патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание ему способствовать во всех отношениях» [12, № 4, с. 59]. В целом, Карамзин говорит о том «гармоническом союзе» в «политическом организме», который «заставляет содействовать благу всего общества все части» о котором писал Монтескье в «Размышлениях о причинах величия и падения Рима» [27, с. 88]. Говорил Монтескье и о «любви к законам и отечеству» — «Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей» [27, с. 191]. Карамзин и в предисловии к «Истории государства Российского» (1818) вновь выскажет эту мысль: «Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя» [17, I, с. 7].

Позднее А. С. Шишков в своем «Рассуждении о любви к отечеству» (1812), по сути, повторит и Карамзина, и Монтескье: «Сия народная гордость и любовь к отечеству суть две единокровные, неразлучные подруги, составляющие силу, крепость и благоденствие всякой державы» [40, с. 35]. Шишков, считающийся оппонентом Карамзина, во многом разделял его общественно-политические воззрения: из отрицания французского «пожара» с его «смертоубийством, кровопролитием, грабежами и мучительством» [40, с. 206] рождается его дискурс об отечестве — доктрина «благонадежного, государственнического патриотизма» [33, с. 167]. Конечно, в этой связи нужно упомянуть и более ранние тексты, связанные с проблемой «отечества»: это, например, перевод книги Й. Г. Циммермана «О национальной гордости» Д. И. Фонвизиным

(«Рассуждение о национальном любочестии», 1785) и «Беседа о том, что есть сын отечества», приписываемая Радищеву (1789). Они, естественно, могли повлиять на актуализацию гражданской проблематики начала XIX в. и, скорее всего, своей связью с идеями Монтескье. Так, выбранная Фонвизиным, уже написавшим «Рассуждение о непременных государственных законах», книга Циммермана — это популярное изложение просветительских представлений, а в рассуждении о «национальной гордости» о формах правление он «следует книге Монтескье "О духе законов"» [10, с. 33]. Идеи этого труда Монтескье отразились и в «Беседе о том, что есть сын отечества».

Интересна в связи с политическими воззрениями Карамзина и статья «Сила Англии» — вольный перевод только что появившейся статьи немецкого историка, знатока Англии И. В. Архенгольца. Карамзин и раньше читал Архенгольца: например, его книгу «England und Italien» (1787), о чем упоминает в «Письмах русского путешественника» [15, с. 341], когда приступает к описанию своего пребывания в Англии — «одном из первых государств в Европе» [15, с. 327]. По всей видимости, статья Архенгольца «Сила Англии» (Карамзин переводил и другие его статьи) привлекла его внимание возможностью вновь обратиться к проблемам государственного устройства и к идеям Монтескье. Известно, что Монтескье считал лучшим правлением английскую конституционную модель и писал об этом в отдельной главе «Духа законов» — «О государственном устройстве Англии». По сути, в статье «Вестника Европы» повторены ее основные тезисы: упоминается «благодетельная революция» 1688 г., когда англичане приняли конституцию — «основали общественную свободу гораздо надежнее и благоразумнее, нежели сто лет после французы» [12, № 7, с. 260], чем и «обязаны свои новым могуществом». И подчеркивается, что «сия истина, признанная великим Монтескье, Вольтером, Руссом и другими умными людьми, но осмеянная безумными якобинцами, утверждена славою Англии и развитием ее почти невероятных сил» [12, № 7, с. 261]. Важен был для Карамзина и анализ причин государственных успехов Англии: они состоят «в ее законах, мудрых учреждениях, государственных правилах, оживлявших деятельность народа — а особливо в меньше свободе других государств. Сия свобода произвела в Англии чудесную народную промышленность» [12, № 7, с. 262].

Естественным оказалось и появление в 1802 г. не раз раскритикованного позднее и почти забытого «Исторического похвального слова Екатерине II». Л. Г. Кислягина, изучавшая общественно-политические взгляды Карамзина, недоумевала: «Обращение Карамзина к Екатерине II с похвальным словом выглядит несколько неожиданным, поскольку до «Слова» Карамзин не высказывал восторгов по ее адресу» [19, с. 157]. Но «Похвальное слово» Карамзина не было славословием Екатерине или самодержавию: он посвящает свой текст новому императору и, анализируя эпоху Екатерины и «дух всех ее законов» [11, с. 50], он «демонстрирует силу государства и величие русского духа» [9, с. 21]. «Опираясь на книгу Монтескье "О духе законов", — отмечал Г. П. Макогоненко, — он изложил как бы программу царствования Александра I» [24, с. 41]. На «языке» того времени само обращение к идее закона и законоположения осмысливалось как дело «конституциональное», т. е. организующее, устро-

ительное, о чем свидетельствовали и ориентированный на идеи Монтескье «Наказ» Екатерины, и конституционные проекты XVIII — начала XIX в. Так, современник Карамзина — П. А. Строганов, участник французской революции, а в начале XIX в. — член «Негласного комитета» при императоре, определял конституцию так: «Конституция — это закон, определяющий порядок, который следует соблюсти при создании административных законов» (цит. по: [25, с. 22]).

Можно полагать, что «Похвальное слово» — это своеобразный «конституционный» совет Александру I, так активно занявшемуся законами и установлениями империи. Неслучайно Карамзин настойчиво напоминает и императору, и согражданам (именно так он обращается к читателям и слушателям своего «Слова») об авторитетном источнике идей Екатерины, которая «часто, облокотясь на бессмертные страницы *Духа законов*, развивала в уме своем идеи о народном счастии, предчувствуя, что она сама будет творцом оного для обширнейшей империи в свете», и о самом Монтескье [11, с. 12, 87]. Фраза выстроена Карамзиным, как, впрочем, и весь текст «Похвального слова», блестяще: он напоминает не только о главной философской книге Монтескье, но и об обещании самого Александра I приложить «все силы и старания к усчастливлению России» и опираться на «коренные законы», о чем было объявлено в 1801 г. в манифесте нового императора — «Всемилостивейшей грамоте, российскому народу жалуемой» [22, с. 199].

Обзор законотворчества императрицы, конечно, был обращен к актуальным проблемам «дней Александровых»: Карамзин напомнил в своем тексте и о другом обещании Александра I — «царствовать по сердцу и законам Екатерины Великой» [11, с. 184]. Показательно, что в это же время аналогичным образом о законодательной деятельности Екатерины пишет и Радищев в записке «О законоположении» связанной, как уже говорилось, с идеями Монтескье и выражающей необходимость «сделать в законоположении отечества нашего великую перемену». Екатерина, по словам Радищева, «вознамерилась положить основание российскому государству, воздвигнув власть верховную на законе непреложном и всем известном» и «в *Наказе* своем освятила правила обществ непреложные, цель оных и намерение обнаружила» [32, III, с. 147–148].

Следует сказать, что связаны были с идеями Монтескье и размышления современника Карамзина — М. М. Сперанского [9, с. 25], прежде всего в таких его текстах, как «Нечто о свободе и рабстве», «О формах правления», «Введение к Уложению государственных законов», связанных с реформаторской деятельностью автора. Принято считать, что второй текст Карамзина, предназначенный Александру I — «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811), — отражает полемическое отношение Карамзина к Сперанскому. Однако, как показал Ю. М. Лотман, «Записка о древней и новой России» отразила негативное отношение Карамзина к реформаторским идеям начала века в целом [23, с. 199]. По всей видимости, идеальные модели Карамзина не совпадали с практическими новаторскими устремлениями приближенных Александра I — энтузиастов-реформаторов «Негласного комитета». Полагая, что реформы инициированы чуждым, европейским влиянием, в «Записке», призванной разъяснить политические и гражданские традиции, Карамзин пишет о новых преобразованиях, «кото-

рые потрясают основу империи», и о том, что их «благотворность остается доселе сомнительной» [18, с. 64]. При этом он вновь прибегает к авторитету Монтескье — «В монархии, — пишет Монтескье, — должно быть хранилище законов». И далее Карамзин приводи обширную цитату из трактата «О духе законов» [18, с. 60]. Сошлется Карамзин на мнение Монтескье и в конце «Записки», добавляя «некоторые особенные замечания» о власти и ее отношении к дворянству [18, с. 105]. Речь шла здесь, как и у Монтескье, о представительной власти. Эти размышления покажутся позднее критикам Карамзина «защитой дворянских интересов», на самом деле рассуждения о представительной власти и роли дворянства связаны с пониманием структуры государства, которая понималась Сперанским, например, по-другому. В его «Проекте уложения государственных законов Российской империи» (1809) все ветви власти, о разделении которых писал Монтескье, сосредоточивались «в особе императора», что, по сути, аннулировало государство как организм.

> Таким образом, в основу плана Сперанского сразу же было помещено положение, сводившее весь план на нет. Что же тогда оставалось? Оставалась система бюрократической упорядоченности фасада империи и суета честолюбий вокруг распределения новых государственных должностей. Именно то, что Карамзину было особенно невыносимо [23, с. 197].

Карамзин и напоминает в этом случае идеи Монтескье о высших сословиях, которые, напишет позднее хорошо понимавший идеи Монтескье Б. Н. Чичерин, «составляют <…> коренной и необходимый элемент политической жизни» [39, с. 253]. В «Записке» Карамзин и цитирует слова Монтескье: «Нет монарха, нет дворянства; нет дворянства, нет и монарха» [18, с. 105]. Позднее именно этот фрагмент «Записки» будет подвергаться самой ожесточенной критике.

Общественно-политические и государственные воззрения Карамзина определили и его последний труд — «Историю государства Российского». Неоднократно оспоренный позднее «государственный» аспект видения истории был во многом определен идеями Монтескье, прежде всего — его вниманием к государству и его историческому развитию. По словам исследователя «Истории» В. П. Козлова, «основа концепции Карамзина восходила к тезису Монтескье о том, что огромное государство может иметь только монархическую форму правления» [21, с. 18]. Карамзин, действительно, напоминает в «Предисловии» об особом «пространстве» России, от которого «мысль цепенеет» [17, I, с. XI). Однако влияние Монтескье на «Историю» было более широким: в ней отразились, например, и идеи его книги «Размышления о причинах величия и падения римлян». Неслучайно Карамзин сравнивает в своем «Предисловии» Рим с Россией, отмечая, что «Рим в своем величии не мог равняться с нею», поскольку Россия, в отличие от него, смогла «составить одну державу» с единым центром и «являет плоды долговременной гражданской жизни» [17, с. XI]. Общие контуры «государственных» концепций Монтескье отразились и в понимании Карамзиным значимости истории государства:

> Правители, законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нуду

> в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье. Но и простой гражданин должен читать Историю <…>: она питает нравственное чувство, и праведным своим судом располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества [17, I, с. X].

Имя Монтескье и цитаты из его сочинения «О духе законов» появляются и непосредственно на страницах «Истории» Карамзина [17, I, с. 40, 42]. Карамзин хранил верность Монтескье до конца дней. Он писал в июне 1819 г. П. А. Вяземскому: «Во время своего нездоровья я много читал, и в особенности старика Монтескье. Заглядывает ли вы в него, господин молодой политик? Он чувствует умно <…>, всегда полон мыслей то глубоких, то блестящих» [14, с. 77].

Но столь пристальное внимание к философскому наследию Монтескье вскоре будет утрачено. Новые поколения русских мыслителей вопросы государства, закона и судьбы России будут решать по-другому, и здравый, трезвый консерватизм Карамзина и его философские пристрастия для них станут чуждыми. Даже восходящие к Монтескье понятия «самодержавие» и «монархия», широко представленные в текстах Карамзина, уже будут «ругательными». А. С. Пушкин расскажет, вспоминая Карамзина, о том, как после выхода «Истории» (1818) негодовали «молодые якобинцы» — «несколько отдельных рассуждений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения» [30, с. 278]. Радикализм русской мысли станет со временем еще более откровенным, и питаться она будет новыми идеями, и ориентироваться на новых кумиров.

В радикальной публицистике, ориентированной на новые философские идеи — позитивизма, материализма, прогресса, — создаются новые концепции государства и закона, вернее — их «переустройства». Появился и новый гражданско-политический «язык», который изменил смысл многих понятий. Французская революция, например, теперь мыслится идеалом. Уже в 1841 г. В. Г. Белинский — всего лишь, казалось бы, литературный критик, но и близкий друг А. И. Герцена, с которым они «шли рука в руку» [2, IX, с. 28], писал в частном письме: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» [1, с. 468–469], и через год он повторит, что «тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами <…>, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» [1, с. 511]. Уже станут возможными высказывания, прямо противоположные воззрениям и Карамзина, и Монтескье: «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть, — пишет в 1862 г. Д. И. Писарев, — нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» [28, II, с. 126].

И идеалы французской философии потускнели под напором новых философов — О. Конта, Дж. Миля, Г. Спенсера и др. Д. И. Писарев, например, пишет восторженную статью о Конте («Исторические идеи Огюста Конта», 1866) и одновременно ироничный очерк о французской философии («Популяри-

заторы отрицательных доктрин», 1866). В нем дана краткая характеристика практически всем мыслителям, в т. ч. и Монтескье — автора «Духа законов», «в котором превозносит до небес английскую конституцию» [28, IV, с. 175]. Завершается этот очерк уничтожающей оценкой Руссо, которая в своеобразно построенном дискурсе Писарева применима и ко всем остальным: «Нельзя не сказать, что Европа осталась бы в больших барышах, если бы Руссо умер в цвете лет, не напечатавши ни одной строки» [28, IV, с. 186]. Имя Карамзина Писарев вообще стремится вычеркнуть из истории — «прошедшее нашей литературы для нас не существует» [28, I, с. 304].

Именно эта группа русских мыслителей имела особый авторитет в России и активно влияла на общественное мнение. «Это направление — писал их оппонент Б. Н. Чичерин — дошло до крайних пределов», отрицая гражданский порядок, и представляет собой «буйный разгул мысли» [38, с. 6, 27]. Сам он в эпоху новых реформ конца 1850 — начала 1860-х гг. помнил и ценил воззрения Карамзина, ассоциативно присутствующие в знаменитой «Вступительной лекции по государственному праву» (1861), в статье «Что такое охранительные начала?», и философию Монтескье, которая будет представлена в его «Истории политических учений» (1872) как «основание конституционному учению в Европе» [39, с. 244].

Однако «разгул мысли» развивался. А. И. Герцен, с которым полемизировал Чичерин в «Письме к издателю “Колокола”» (1858), писал, что у Карамзина были «точка зрения философская и нравственная, филантропические фразы», но все это «без единства, без руководящей мысли, без какого-либо глубокого убеждения», а потому он попал «в имперские сети», стал «историком-абсолютистом» и занимался «несбыточными проектами» в Александровскую эпоху [2, VII, с. 190–191, 181, 195]. Монтескье же Герцен отнес к «иноземным» поверхностным увлечениям русской элиты и Екатерины, которая умела драпироваться «в величественные складки просвещения и философии», а потому говорила «о Вольтере, о Монтескье» [2, VII, с. 182, 332] и любила украшать себя «энциклопедическим бриллиантами», вроде Монтескье [2, XVI, с. 61].

Для Н. Г. Чернышевского, создавшего свою концепцию государства, Монтескье, которого он хорошо знал, становится «прошлым» философии: «Гоббс был абсолютист, Локк был виг, Мильтон — республиканец, Монтескье — либерал в английском вкусе <…> о таких писателях и нечего говорить». [37, VII, с. 223]. Также «нечего сказать» Чернышевскому и о Карамзине в статье «Русский реформатор» (1861): рассмотрев «Записку о древней и новой России», он пишет, что «общий дух мнений Карамзина неоснователен», а во все его «длинной записке справедливы только следующие слова: “оставляя вещь, мы гоним имена”» [37, VII, с. 809]. Имя Монтескье появится и в названии статьи Чернышевского «О причинах падения Рима (Подражание Монтескье)». В общих философских построениях Чернышевского эта статья была связана с доказательством концепции исторического прогресса, для чего и понадобилось опровержение мнения Монтескье о причинах падения Римской империи.

Наконец, своеобразный «приговор» Монтескье прозвучал в самом, пожалуй, радикальном тексте «шестидесятников» — книге Н. В. Соколова «Отщепенцы» (1864), построенной на апологии революции и прямых призывах

к ней, одной стороны; с другой — на резкой критике «плутократии», «мира эксплуатации и насилия» и «владычества капитала» [34, с. 269–270]. К теоретикам «плутократии» автором причислен прежде всего Монтескье, который возводит факт «лихоимства, неравенства и насилия в учение и в идеал»:

> Теория плутократии отличается такою же откровенной грубостью, таким же циничным признанием насилия и лихоимства незыблемыми основами общества, как и римское уложение, как и теория феодальной собственности. Послушаем ее теоретиков: мы найдем в них достойных подражателей всех проповедников грабежа древних и средних веков. «В каждом государстве, — говорит Монтескье, — всегда есть люди, отличенные богатством, рождением или почестями…» [34, с. 270].

Обратившись к трактату «О духе законов», автор книги напоминает, естественно, и об английской конституции — «высшем выражении плутократии», которая сделалась «образцом и целью грабителей, плутов и лихоимцев всех стран и народов» [34, с. 271].

Своеобразное «заключительное слово» о мировоззрении Карамзина скажет двоюродный брат Чернышевского — А. Н. Пыпин, в книге «Общественное движение в России при Александре I» (1870). В обширном очерке о Карамзине Пыпин негативно оценил его публицистику 1802–1803 гг. как «тирады», написанные «тоном лести, преклонения и восторга» [31, с. 213]. Особенно уничижителен в книге анализ «Записки о древней и новой России» — текста, по мнению Пыпина, «консервативного» и «охранительного». Итак, заключает автор книги:

> Во взглядах Карамзина <…> было, таким образом, много положительно фальшивого и в его отношениях к народу, и к истории, и к настоящему. Подобные вещи повторялись и вообще в охранительных кругах, но Карамзин, по своему литературному влиянию и общественному положению, в особенности придавал им авторитет. В конце концов действие подобных воззрений было, конечно, вредное, деморализующее. <…> «Записка», где Карамзин всего больше высказался со стороны своих общественных взглядов, была трудом, потраченным на защиту отживавших нравов и преданий человеком, которого <…> печально видеть партизаном старого общественного рабства и застоя [31, с. 258–259].

И ссылки Карамзина на Монтескье А. Н. Пыпин — мыслитель уже иного времени и совершенно других взглядов, посчитает защитой «дворянских интересов» и назовет «ребяческими»:

> Защита дворянских интересов у Карамзина была предисловием той дворянской теории, которая и до новейшего времени находит своих представителей. Карамзин извлекал свою теорию из барских преданий своего сословия, к которым прибавляет ребяческие ссылки на Монтескье, — ребяческие потому, что аристократия, о которой говорил Монтескье, была совсем не то, что русское дворянство… [31, с. 247]

Как напишет позднее Г. Г. Шпет, добивавшаяся авторитета русская радикальная мысль XIX в. активно пользовалась «приемами охранения себя от инакомыслия», и «все то в науке и философии, что могло служить делу

революции <…> было признано полезным», но «то, что казалось опасным делу революции, то подвергалось опале и общественному запрещению» [41, с. 253]. Именно поэтому общественно-политические воззрения Карамзина, сформированные его «ученичеством» у Монтескье и связанные с базовыми понятиями французского мыслителя о «духе законов», «государстве», «отечестве», уже во второй половине XIX в. были отодвинуты на периферию русской ментальной истории — в сторону от магистральных путей тогдашней материалистической философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Письма 1829–1848 годов // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Художественная лит-ра, 1982. — Т. 9.

2. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. — М.: АН СССР, 1956.

3. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. — М.: Гос. учеб. — пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939.

4. Баскин М. П. Монтескье. 2-е изд. — М.: Мысль, 1977.

5. Васильева Е. Н. Трактат «О духе законов» Монтескье как объект литературной полемики в России второй половины XVIII в. // Вестник РХГА. — 2015. — Т. 16, вып. 3. — С. 322–331.

6. Воронцов-Дашков А. И. Московская библиотека княгини Е. Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова: исследования и материалы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — С. 134–139.

7. Дашкова Е. Р. Мнение некоего россианина о единоначалии // Новые ежемесячные сочинения. — 1793. — Т. 80. — С. 4–7.

8. Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. — М.: Правда, 1990.

9. Заболотная А. С. Консервативная идеология начала XIX века: попытки определения идеала государственной власти // Гуманитарные и социальные науки. — 2008. — № 3. — С. 20–27.

10. Земскова Е. Немецкий источник трактовки темы «национального характера» в творчестве Д. И. Фонвизина // Литературоведение XXI века: Тексты и контексты русской литературы. — СПб.; Мюнхен: Изд-во РХГИ, 2001. — С. 31–45.

11. [Карамзин Н. М.] Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным. — М.: Унив. тип., 1802.

12. [Карамзин Н. М.] Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. — 1802. — № 1–24.

13. Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. — СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1862. — Ч. 1.

14. [Карамзин Н. М.] Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. 1810–1826. Изданы с предисловием и примечаниями Н. Барсукова. — СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897.

15. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — Л.: Наука, 1984.

16. Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. — Л.: Художественная лит-ра, 1984.

17. Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов: в 4 кн. — М.: Книга, 1988.

18. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991.

19. Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785–1803 гг.). — М.: Изд-во МГУ, 1976.

20. Коган-Бернштейн Ф. А. Влияние идей Монтескье в России XVIII века // Вопросы истории. — 1995. — № 5. — С. 99–110.

21. Козлов В. П. Н. М. Карамзин — историк // Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов: в 4 кн. — Кн. 4. — М.: Книга, 1988. — С. 17–27.

22. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX веков / сост., вступ. стат., коммент. А. Н. Медушевский. — М.: РОССПЭН, 2010.

23. Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. — Таллинн: «Александра», 1992. — Т. 2. — С. 194–205.

24. Макогоненко Г. П. Николай Карамзин — писатель, критик, историк // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. — Л.: Художественная лит-ра, 1984. — Т. 1. — С. 5–50.

25. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. / сост., вступ. стат., коммент. А. Н. Медушевский. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 5–72.

26. Милованов К. Ю. Философский проект «свободного государства» Монтескье и его критика современниками // Проблемы современного образования. — 2016. — № 5. — С. 25–38.

27. Монтескье Ш. Л. Избр. произв. — М.: Госполитиздат, 1955.

28. Писарев Д. И. Собр. соч.: в 4 т. — М.: ГИХЛ, 1955–1956.

29. Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. — М., 2004. — С. 281–286.

30. Пушкин А. С. Карамзин // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. — М.: ГИХЛ, 1962. — Т. 7. — С. 276–279.

31. Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. 2-е изд. — СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1885.

32. Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. — М.; Л.: АН СССР, 1938–1954.

33. Сандомирская И. И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. — Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.

34. Соколов Н. В. Отщепенцы // Шестидесятники. — М.: Советская Россия, 1984. — С. 166–304.

35. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. — Челябинск: Энциклопедия, 2011.

36. Уваров С. С. Письмо к барону Штейну 18 ноября 1813 года // Русский архив. — 1871. — № 2. — Стлб. 129–134.

37. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. — М.: Гослитиздат, 1939–1953.

38. Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. — М.: Тип. В. Грачева, 1862.

39. Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. — М.: Гардарики, 2001.

40. Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2011.

41. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. — С. 217–578.